

Синдром госпитализма

рассказ

Здравствуйте дорогой...
ВГС

Хочется домой.

Есть такой дурацкий викторинный вопрос: какие рукотворные объекты видны из космоса? Расхожий ответ — Великая Китайская стена. Вот, мол, какая она огромная. Только это миф; правильный ответ — фонари. Куда человека ни потащи, ему везде будут мерещиться огни родных городов.

Это, впрочем, тоже миф. На самом деле из космоса виден в основном немытый иллюминатор с крупными заклёпками по периметру.

И Марс. Под самый конец Чейни настроила скорость вращения основной камеры «Антероса» так, чтобы одна его сторона всегда смотрела на Марс, а вторая — в космос. Это напрямую противоречит технике безопасности — вращение камеры затем и нужно, чтобы снизить износ, прикрывая от космической радиации то один бок жилого пространства, то другой. Лепестки солнечных батарей всегда тянутся к жёлтому нашему карлику, а людям полагается в смирении опускать очи долу и беспрестанно вращаться.

Это была странная и совершенно бессмысленная команда. Сперва я думал, что её отдала уже не Чейни, но теперь не уверен.

На «Антеросе» очень сложно нарушить правила. Слишком сложно. Может, в том и был замысел.

Когда-нибудь мне придётся команду отменить. Но не сейчас.

Для этого нужна флешка с личным ключом, а мне что-то неохота смотреть Чейни в глаза.

Дома нет.

Это был один из первых наших тренингов. Я ждал чего угодно — тестов на психологическую совместимость, на стрессоустойчивость, курсы начинающего борца с клаустрофобией, руководство по преодолению скуки и объяснение, как не убить храпящего коллегу в тесной комнате; как по мне, есть у кучки людей в очень замкнутом пространстве проблемы посерьёзнее ностальгии. А лучше бы и вовсе не валять дурака с психологами, а крутануть нас всех в центрифуге ещё пару раз. Ничто так не избавляет от грустных мыслей, как обратная перистальтика.

Всё это, конечно, было — позже. А тогда психолог усадила меня за тёплый, шершавый, перегретый солнцем стол, созданный, чтобы водить по нему ладонями, и спросила:

— Что для вас «дом»?

Этот стол, подумал тогда я, выпиливали по каким-то тонким психологическим канонам. Он призван расслаблять и располагать. Не может быть зла, насилия и геноцида в мире, где делают такие столы. Не может человек за таким столом желать тебе ничего, кроме добра.

— Мой адрес не дом и не улица, — буркнул я. Я тогда ещё не то что не верил; не допускал даже мысли, что могу пройти в итоговую команду.

Основную. Даже не запасную.

Я на «Антеросе» не по нелепой случайности — если, конечно, выкинуть из головы мысль о том, что другой сперматозоид мог прийти первым.

Он не стал бы лингвистом. Он стал бы аналитиком больших данных, как хотела мама.

Психолог, разумеется, цитату не опознала. Я и сам не знал, откуда она; просто так иногда говорил дед Паля.

— Ну слушайте, — развёл я руками, глядя ей в тёпло-рыжие, как этот самый стол, глаза. — Вас интересует, в какой степени я отождествляюсь с... чем? Страной своего рождения? Не очень. Страной гражданства? Да тоже, если честно. Социальной стратегией? Семейной? Уточните вопрос.

Она замялась. Потом, конечно, собралась с мыслями, и мы продолжили говорить; но лучше всего из того тренинга я почему-то запомнил именно эту заминку, журчание птиц за окном и ещё то, как психолог упрямо пыталась разглядеть складку на левом манжете.

Она только получила диплом. Ей хотелось произвести впечатление.

А мне хочется домой.

По-английски это называется homesick — тоска, значит, по дому. Тошнота, как если укачало в машине. Не думаю, впрочем, что дома мне бы полегчало; кому дома хорошо, тот на Марс не летает. Просто здесь, на «Антеросе», меня постоянно тошнит — или как будто пискляво звенит в ушах, как при тонзиллите. Вялая дрянь в воздухе, с которой можно жить, которая даже не особо мешает — но господи, насколько лучше дышалось бы без неё.

На даче было что-то такое, когда на чердаке сдох и разлагался голубь, а мы несколько дней не могли его найти. Темно было, а мы светили не туда.

Тогда меня тоже тошнило — и тоже хотелось домой.

В городских квартирах, с уверенностью сказал бы вам я, голуби не разлагаются.

— Понимаю, это сложно. И всё же нам нужно вместе отрефлексировать, что именно для вас значит «дом». Потому что — скажу прямо: чтобы участвовать в экспедиции, вам придётся от этой идеи отказаться.

— Но я же вроде не переселяюсь на Марс, — удивился я. — У меня билет в два конца.

Я тогда не особо задумывался, правда ли это. Или даже нет: я знал, что это ложь. Не затем летают к Марсу, чтобы гладко, непримечательно и без происшествий с него вернуться. К этому требованию жанра я относился спокойно. Думаю, это сыграло роль, когда утверждали мою кандидатуру.

И всё же в теории нам полагалось вернуться.

— Верно, — кивнула психолог, — но человеческое восприятие времени менее рационально, чем нам хотелось бы. Когда приходишь на встречу слишком рано и вынужден ждать, даже полчаса могут показаться вечностью, знаете? А на изолированной станции в годе лёту от Земли...

— В семи месяцах, — поправил я. — Год — это если выбрать неудачный момент для запуска. Земля и Марс ведь движутся по орбитам, они то ближе друг к другу, то дальше...

— В любом случае, это долго. За такой срок ребёнок может родиться.

— Не у меня.

— Ваш скепсис не только объясним, но и вполне оправдан. Учёному полагается скептический ум. Но поверьте мне: люди часто удивляют самих себя. Синдром госпитализма — это не... понимаете, это не просто плохое настроение или, скажем, тоскливые сны про home sweet home¹. Это реальное, осязаемое, соматическое явление.

Золотые солнечные лучи заливали ей левую щёку, а она всё пыталась и пыталась стряхнуть с манжета упрямую складочную тень. Я помню даже узор веснушек у неё на щеках.

А имени — не помню.

— Синдром госпитализма? — наморщил лоб я. — Hospitality², что ли?

— Нет. Это психическое расстройство, которое поражает людей, надолго вырванных из общества и оказавшихся в замкнутом, чужеродном и неестественном пространстве. Социальная дезадаптация. Просто изначально его изучали на пациентах госпиталей — ну то есть больниц, в первую очередь психиатрических стационаров. Но в широком смысле такая же динамика наблюдается на подводных лодках, в дальних плаваниях... а ваш случай опасен особо, потому что плавание *очень* долгое, а психологический климат *очень* беден. Разумеется, команду подберут оптимальную, но какой бы оптимальной она ни была, четыре человека на три года — это невероятная нагрузка. Откровенно говоря, — психолог опустила ресницы, — трудно предугадать, какие именно эффекты могут вас настигнуть. Галлюцинации, иллюзии, помрачения, панические атаки, импульсивные поступки... нет-нет, я не пытаюсь вас запугать! Лишь объяснить, что вы пойдёте по тонкому мостику над опасной бездной. Мы знаем, как научить вас стоять на этом мостике твёрдо. Просто доверьтесь нам.

Просто откажитесь от идеи дома. Не думайте о Земле, о почве под ногами, о реках и травах, о руках и нравах.

О широком шершавом столе с запахом лета и упрямом левом манжете.

Твой адрес — не дом и не улица.

Твой адрес — «Антерос» и тьма.

Мне хочется домой.

Оптимальная четвёрка превратилась в оптимальную тройку очень быстро: Ким не вышла из комы. Я как-то даже не удивился: не затем летают к Марсу, чтобы гладко, непримечательно и без происшествий с него вернуться — хотя, признаюсь, не ждал, что всё начнётся так быстро. Субъективно — совсем быстро: из семи месяцев, что занимает полёт, пять мы должны были провести в медицинской коме. До настоящих криогенных технологий человечество пока не добралось, но сочетание низких температур с некоторыми препаратами позволяло замедлить метаболизм настолько, что полугодовое путешествие становилось почти гуманным (а главное — существенно более экономичным, ведь живым трупам почти ничего не нужно).

---

¹ Дом, милый дом (англ.)

² Гостеприимство (англ.)

Валяться в черноте лучше, чем сходить с ума от однообразия, а вот приходиться в себя — удовольствие так себе. Сколько мышцы ни массируй, совсем избежать атрофии за полгода не получится. Предполагалось, что последний месяц из семи мы потратим на восстановление физических сил.

Но у Ким не завелась печень, и тогда я впервые познакомился с Чейни.

Впервые — несмотря на полтора года совместных тренировок.

Я не знаю, что именно было не так с Ким. Какая-то изначальная мелкая патология, разросшаяся за эти полгода до фатальных размеров? Вряд ли центр управления такое бы пропустил. Может, патология была неизвестная науке. А может, ей просто не повезло — случайные клетки встретились, не понравились друг другу и запустили некий дегенеративный процесс, вспыхнувший, как только она начала выходить из комы. Знаю я лишь то, что печени она после этого лишилась меньше чем за сутки.

Через два часа капитан Чейни вернула её в кому.

А ещё через четыре — отключила аппарат.

Это что, в самом деле было необходимо? У нас нет более гуманного плана на случай форс-мажора? А как же хваленые медицинские технологии? Неужели нельзя было просто вернуть Ким в кому и отправить обратно на Землю?

Капитан Чейни не обязана была мне отвечать. Я не обязан был спрашивать — круглолицый Шульц, например, не сказал ни слова. Сам не знаю, почему вообще заговорил. Я ведь даже не удивился.

У Чейни был хрипловатый низкий голос и пара прядей ранней седины.

Да, необходимо. Более гуманного плана нет — не для столь серьёзной неполадки. Медицинские технологии с нами летят фантастические, лучшие на Земле, но вырастить в пробирке новую печень мы всё-таки не можем. Шульц обладает достаточной квалификацией, чтобы собрать Ким новую печень из кусков наших, но это означало бы сделать инвалидами всю команду. Чтобы вернуть Ким на Землю, нужно сперва добраться до «Антероса», а это ещё пять недель. И обратный полёт займёт уже более семи месяцев, ведь Земля с Марсом снова разойдутся.

Возможно, мы сумели бы собрать ей заменяющий печень аппарат на «Антеросе». Пять недель. Вы представляете себе процессы, поражающие организм человека без печени? Как бы ни был замедлен его метаболизм, он всё-таки происходит. Токсины копятся. На «Антеросе» мы бы подняли пожелтевший труп, который провёл бы остаток своих дней в мучениях.

Шульц подтвердил её экспертизу. Бортовая эвристическая машина подтвердила её экспертизу.

И капитан Чейни отключила аппарат. Потому-то она и была капитаном — прирождённым, по призванию. У неё был талант, который вряд ли можно воспитать, с ним надо родиться: талант принимать решения. Жестокие решения. Опасные решения. Решения при полном отсутствии данных. Принимать быстро, спокойно и уверенно.

Не всегда правильно. В этом ведь и подлость: кто принимает решения, тот неизбежно ошибается. Кто принимает их много и быстро, ошибается чаще.

Я бы не сказал, что капитан Алиса Чейни была исключительно смелой или даже особо умной. Но она принимала решения, а потом — принимала свои ошибки.

А я её ошибку принять не могу.

Мне хочется домой.

Есть нота пассивной агрессии в том, что станцию нашу назвали «Антерос» — в честь древнегреческого бога взаимной любви, сына Ареса и Афродиты. Антерос был не особо-то добряком — он не столько дарил людям любовь, сколько отвечивал наказания тем, кто на чужие поползновения не отвечает. Выходит, мы гневно машем в космос кулаком, обещая кары и казни, если он не отзовется на нашу мольбу?

Я бы, например, тоже не стал отвечать людям, назвавшим планету в честь древнеримского бога, а спутники её — и теперь новую станцию — в честь древнегреческих. Известно же, что смешивать греческие корни с латинскими — дурновкусие.

Впрочем, будем снисходительны к астрофизикам: они не лингвисты.

Лингвиста незачем отправлять к Марсу на корабле, названном в честь не его сына.

Человека незачем отправлять.

Нет никаких функций, которые мы тут исполняли бы лучше машин. Нет никаких навыков, которыми мы владеем лучше машин. Единственная причина, по которой мы здесь оказались, — политика. Дружба народов. Символ мира. Американка, китаянка, евразиец и европеец водят хоровод, поднимают планетку разноцветными ладошками и дружно пропадают с глаз долой во славу успешного хэштега в социальных сетях.

В кулуарах ходил взволнованный шёпот: мы-де остановили какую-то большую войну.

Для этого нам всего-то пришлось остыть в криогенных камерах.

А некоторым — не доходя до них.

Я хочу домой.

Ксенолингвистики не существует, поскольку не существует инопланетных языков. Ксенолингвист — это просто лингвист, которого хорошенько провернули в центрифуге, погоняли в учебке, заставили подписать пачку документов о неразглашении и в целом обучили азам космонавтики. Лингвист-космонавт — это как морская свинка: и плавает так себе, и хрюкает не особо.

Ксенолингвистики не существует, поскольку она и не нужна. Если представить, что мы ожидаем контакта с неким инопланетным разумом, последний, кто нам тут пригодится, — это специалист по земным языкам с его узенькими антропоцентричными замашками. Пригодится вместо него криптограф, математик. Да программист хотя бы. Кто-то, кто привык к универсальным знаковым системам, работе с абстрактным кодированием информации. Но лингвист?

Зачем вам лингвист?

Зачем вам я?

Это тоже, конечно, политика. Математиком была Ким.

Меня всегда раздражало ожидание, что у инопланетян обнаружится звуковой язык. Звуки — это, если вдуматься, страшное варварство. Что угодно лучше звука. Свет или радиосигнал проникают существенно дальше. Что-нибудь жестовое — ну там взмахи щупальцами какие-нибудь — позволяют куда более тонкий контроль и меньше зависят от среды. Но хлопать мясом по окружающему тебя веществу, надеясь, что его колебания поколеблют и сердце собеседника?

Такая чушь, что как только люди сумели изобрести иные способы коммуникации, они тут же на них переключились. Что угодно, лишь бы не шлёпать мясом.

А если даже представить, что у гипотетических инопланетян есть гипотетический язык и он использует звуки, всяко уж там не будет слов. Зачем трудные для восприятия артикуляционные изменения характера звуков? Почему не модуляции тембра или высоты, например?

Не будет служебных слов, субъектов и предикатов. Вероятность этого смехотворна, и прийти такое в голову может только фантасту средней руки, которому не хватает образования сделать шагочек в сторону от своего антропоцентризма. У них будет какая-то совершенно иная система, базовые принципы которой не имеют ничего общего с человеческими языками. Цветовой семеричный код или типа того. Поэтому язык инопланетян должен анализировать не лингвист.

Из космоса видна не Великая Китайская стена, а фонари — под лучами которых мы только и готовы искать новое. Сделать шаг, выйти из круга света нам слишком сложно.

Так что мы даже дохлого голубя найти не можем, каких уж там инопланетян.

Поэтому ксенолингвистики не существует. Я — криптограф. «Ксенолингвист» — это пиар-ход; ярлык, который мне прицепили, чтобы растираживать в соцсетях мем «ОТРИЦАЮТ ИНОПЛАНЕТЯН @ ПОСЫЛАЮТ В КОСМОС ЛИНГВИСТА — никаких противоречий!»

На каждом конвенте, где мы выступали до вылета, мне дарили с этим мемом футболку и жадно заглядывали в глаза. Это политика, думал я. Я — пиар. Я — фонарь. Но и не такое дерьмо ведь можно проглотить, чтобы только взглянуть на Марс.

А сейчас впервые думаю: может, мемы были правы?

Может, госпитализм — это всё-таки от слова *hospitality*³, а любовь Марса неизбежно взаимна?

Может, центр управления знал, чем всё это закончится?

Я хочу домой.

Я не боюсь умирать. Я смотрел в мёртвые глаза Ким, она могла бы смотреть в мои. Но я хочу смотреть в глаза не Ким, а центру управления, в десятки их глаз, я хочу, чтобы зашлёпали десятки их ртов и сказали мне: они знали?

Первый шаттл с припасами придёт через полтора месяца. Он был выслан до того, как мы прибыли на «Антерос». Я мог бы погрузить в него Чейни. Шаттл не вернётся на Землю, он подлежит полной деконструкции на припасы, но я мог бы вместо этого погрузить её и выстрелить в открытый космос. Может, Чейни на это намекала последним приказом? Она ведь заставила один из иллюминаторов вечно упираться в чёрную пустоту без фонарей.

Но я предпочитаю тот иллюминатор, что смотрит на Марс.

Чейни ни на что не намекала. Она сошла с ума. Синдром госпитализма.

Hospitality.

Я хочу домой.

---

³ Гостеприимство (англ.)

Я не хочу убирать Чейни в камеру. Я боюсь обнаружить свидетельства того, что она уже не она. Я не хочу знать, что Чейни не была собой в последние минуты.

Я должен привести в сознание Шульца (нет). Шульц в безопасности, пока он в коме. Я в опасности, пока я один-за. Парадокс.

Чейни всегда принимала решения и принимала ошибки. Чейни всегда совершала решения и мирилась с ошибками. Чейни приняла решение о дегерметизации. Решение верное (нет). Она впустила Dah-gee'i. Я знаю: это был приказ из центра управления (нет)? Они знали про Dah-gee'i с самого начала? Я однажды это выясню (нет).

Культура, способная ставить модификатор отрицания лишь к фразе целиком, слишком примитивна для космических полётов. Интересная мысль. Надо это записать. Я должен это записать. Я должен привести в сознание Шульца.

Нет?

На «Антеросе» на удивление сложно покончить с собой. Люди на «Антеросе», как ни странно, затрудняются убить себя. Люди на «Антеросе» носят медицинские ошейники, запаянные, цельные. Люди на «Антеросе» могут снять такой ошейник (нет). Ошейник регистрирует любые аномальные колебания гуморального статуса организма и передаёт сигнал бортовому компьютеру. Обитатели «Антероса» имеют оружие, которым можно убить себя (нет). Обитатели «Антероса» могут даже использовать любимый приём заключённых: откусить свой язык (ker). Я могу что-то изменить (ker). Я qoihge что-то изменить (ker).

Чейни смогла что-то изменить. Чейни устроила короткое замыкание, выстрелила при помощи строительного мультитула себе в ошейник. Чейни умерла быстро.

Чейни более изобретательна, чем dah.

Чейни хотела домой (ker). Чейни (ker) хотела домой.

Капитан Алиса Чейни ze из тех людей, кто не побоится пустить себе пулю в висок (разряд мультитула в ошейник). Капитан Алиса Чейни ze из тех людей, кто до последнего останется на тонущем корабле. Кто победит из двух капитанов? Первый капитан победил.

Или Dah-gee победили?

Позавчера мы заметили лёгкие перепады напряжения по левому борту — несущественные; такие перепады o-qoihgoro eeze бы даже списать на ошибки техники. Это (ker) было опасно для команды и функционирования «Антероса». Опасности (ker) eeze. Но и объяснения (ker) eeze. Чейни смотрела на приборы и хмурилась.

— Aliens knocking on our doors, perhaps?⁴ — усмехнулся тогда Шульц.

— If so, they have peculiarly soft hands,⁵ — ответила Чейни.

Я бы (ker) сказал, что капитан Чейни eeze исключительно смелой или даже особо умной. Чейни и помыслить не могла, что перепады напряжения на борту способны оказаться жизнью, она eeze уверена, что это погодная аномалия. Она думала, что в худшем случае опасности подвергнется тот, кто выйдет наружу осмотреть обшивку и взять замеры. Она приняла решение. Она совершила ошибку.

Она впустила Dah-gee'i.

Чейни дегерметизировала станцию и первая вышла в люк.

---

⁴ «К нам в дверь стучатся инопланетяне?» (англ.)

⁵ «Если так, то у них удивительно мягкие руки» (англ.)

Чейни приложила Шульца разводным ключом и отправила его в кому, когда он перестал понимать английский.

Чейни приложила мультитул к своему ошейнику и пустила разряд.

Я (ker) говорил с ней в последние несколько часов. Я (ker) хочу знать, поняла бы она меня. Чейни (ker) хотела, чтобы я знал.

Чейни (ker) eewehrop, чтобы dah знал.

Dah хочу домой.

Dah-ree смотрим очень избирательно на вещи. Dah-ree, люди, уверены, что коммуникация непременно подразумевает обмен информацией через среду. Но это (ker) обязательно правда. Перцепция — лишь один из способов обрести новое знание. Но что такое же знание? Знание же лишь набор нейронных связей в dah'eі голове. Нейронные связи (ker) всегда возникают под влиянием внешних факторов. Они qoihropo зарождаются и сами по себе. Dah-ree знакомы с таким явлением, dah-ree формируем иногда случайные нейронные связи и называем это «сны». Dah-ree называем это иногда «галлюцинации», «иллюзии», «помрачения», потому что dah-ree (ker) привыкли к такой коммуникации.

Но то, что (ker) привычно нам, привычно другим.

Способ формировать знания (ker) в результате коммуникации через среду — же-же. Uru же называется на другом dah-ree'eі языке *to intuit*, то есть «непосредственно формировать или актуализировать знание в голове вне связи с окружающей средой». Почему же dah-ree думаем, что прямое формирование нейронных связей (ker) qoihrop за основным средством коммуникации? Dah-ree ищем опять под фонарём uru, что закатилось в угол?

Не будет разговора. Же разговора (ker). Же (ker) разговора? Культура, способная ставить модификатор отрицания лишь к фразе целиком, слишком примитивна для космических полётов. Uru же интересная мысль. Dah liire записать uru.

Происходящее абсурдно с точки зрения лингвистики. Dah (ker) верю, что у инопланетян qoihropo за столь привычные фонемы, падежи, окончания, слово «dah». Этого не может быть. Uru qoihrop (ker) за.

Uru же мой фонарь разума во мраке безумия.

Dah узнаю напрямую uru, чего раньше (ker) знал.

Dah (ker) человек?

Чейни же (ker) человеком, когда умерла? Она убила себя, или её убили Dah-ree? Dah-ree — значит «инопланетяне» или «люди»?

Dah-ree nurtangoro dah-ree. «Люди» ö «инопланетяне» (ker) же-же. Только «dah-ree» же-же. Dah (ker) хочу. Dah (ker) хочу. Dah (ker) wehre!

Dah wehre домой.

Что для вас значит слово «ааа»? Мой адрес же ааа (ker) ö alana (ker). Dah (ker) wehre uru'i! Пожалуйста, отпустите dah'i. Падежи. Господи, падежи... 'i же объект, 'ei же принадлежность. Винительный, родительный. Лица, числа. Uru же такие узкие человеческие понятия, dah qoihre поверить (ker), что в вашем — что в нашем, dah-ree'eі сознании жео-жео столь же конкретные и специфичные смыслы. Смехотворно низкий шанс. Помрачение?

Мультитул сломался, когда Чейни из него выстрелила. Шаттл прибдет лишь через полторы недели. Я никогда не вернусь домой. Dah аса-за (ker) когда-либо. Dah аса-за (ker) totomm.

Dah wehre аса-за.

Томм dah еезе маленьким, dah ездил дача-за, *пребывать-на-даче*. Dah потерялся однажды, плакал ö ееқоihre (ker) найти дорогу аса'р. Родители искали dah'i, но ееқоihropo (ker) найти, потому что dah стоял в темноте. Dah-ree ищем всегда там, где светло. Томм свет фонаря дотягивается. Dah-ree, люди, видим даже из космоса только свет своих фонарей. Единственный рукотворный объект, видный из Ootaa, — зео dah-ree'ei фонари.

Если бы dah-ree закрыли глаза ö отвернулись от фонаря, то поняли бы: мир зе (ker) только там, где свет. Ootaa зе всюду. Ootaa зе (ker) иги, что мы ожидаем. Но чтобы dah-ree воспринимали его интуитивно, напрямую, фонарь должен быть погашен.

Dah-ree погасили dah'ei zohtor'i. И только так, в наступившей темноте, dah вижу Ootaa'i. Dah khere Ootaa'i.

Cheinee еерiverop, Cheinee зе piver. Rr dah wehre (ker) за piver. Dah wehre жить.

Dah wehre (ker) аса-за. Dah'ei zohtor зе piver. Dah'ei аса зе Ootaa.

Dah зе аса-за.

2019

[Упражнение по изучению грузинского алфавита](#). Спасибо Корнелу, Алёне, Анморису, Саше, Соне, Зулину, Блейду, Никите и Лю за тест-драйв, из которого я сделала вывод, что рассказ всё-таки читаем, и за ценнейшую критику.